

Парро тоже считает, что упоминание о верблюдах отнюдь не является анахронизмом, и поддерживает Дюссо против Олбрайта. По мнению Парро, Ревекка действительно могла принести воду для десяти верблюдов Авраама, как рассказывается в книге Бытия (XXIV, 10—11)²⁷. Ортодоксальные же библеисты считают этот рассказ анахронизмом, не отвечающим исторически возможному, так как именно здесь нежелательно для них выявляется кочевой быт бедуинского племени евреев, каким он отразился в случайно не уничтоженных сказаниях, зафиксированных в древнейших источниках Библии.

По мере того, как археология и вновь публикуемые тексты позволяют лучше выяснить расселение, быт и взаимоотношения между отдельными арабскими племенами и особенно — с аморреями-ханаанеями, точка зрения Дюссо приобретает все большую достоверность. Только отсутствием в Иемене и Центральной Аравии раскопок, достаточно глубоких и систематических, чтобы установить их историю ранее I тысячелетия, препятствует окончательному решению вопроса.

Почему же так настаивает на этом положении знаменитый французский ученый Рене Дюссо, сделавший его доказательство — делом своей долгой и плодотворной жизни? Евреи для него — такие же ставшие оседлыми кочевники — арабы или бедуины, такие же, но только более ранние представители «проникновения арабов в Сирию до ислама», какими позднее были набатеи, сафайты, лихьяниты, пальмирцы и лахмиды, освоившие задолго до ислама не только плодородные земли Сирии, но и обширные пространства, бывшие полупустынными и пустынными ранее и вновь ставшие ими с наступлением феодализма. Особое внимание обращает Дюссо на евреев скорее всего именно потому, что ортодоксальная наука упорно, настойчиво оспаривает этот тезис, превращающий «избранный народ» в одно из арабских племен.

Здесь уместно будет напомнить об известном раннем письме к Марксу, в котором, по поводу книги священника Чарльза Фостера об исторической географии Аравии, Энгельс приходит к мысли, что евреи были «не чем иным, как мелким племенем бедуинов, которое вступило в конфликт с другими бедуинами лишь в силу местных условий, земледелия и т. д.»²⁸; а «иудейское так называемое священное писание было не чем иным, как записью древнеарабских религиозных и племенных традиций, несколько видоизмененных ранним отделением иудеев от соплеменных, но еще кочующих соседей»; его «...главное содержание было арабского или, вернее, общесемитского характера...»²⁹. Последняя работа Дюссо доказывает эти тезисы с предельной ясностью; более того, Дюссо не ограничивается смягченной формулировкой Энгельса и настаивает на арабском (а не только общесемитском) происхождении евреев и их религии.

С. А. Кауфман

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПРИНЦИПАТЕ АВГУСТА

Для ученых XIX в. проблема принципата фактически сводилась к одному вопросу — к вопросу о юридическом оформлении власти принцепса. Целью исследования была реконструкция «римской конституции». Еще сочинение Премерштейна (1937) примыкало к этой традиции. Однако в последнее десятилетие характер работ меняется. Начинается, по выражению Тибилетти, освобождение от «блистательной тирании Моммзена». Становится все более очевидным, что невозможно раскрыть сущность принципата, объясняя одни юридические понятия другими¹. Приходится признать, что

²⁷ А. Паррот, «Syria», XXXII, 1955, № 3—4, стр. 323.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 483.

²⁹ Там же, стр. 484.

¹ Характерны слова В. Эрнберга (Imperium maius in the Roman republic, AJP, 74 (1953), стр. 113): «Теперь мы знаем лучше, чем при Моммзене, что издания законов и конституций еще не исчерпывают историю...».

государственно-правовые отношения являются лишь формой выражения каких-то иных, более существенных явлений. Но каких?

Для советской науки возможен только один ответ на этот вопрос. Именно, государственно-правовые отношения являются оболочкой социально-экономических отношений. Переход от республики к империи — результат глубокого кризиса римского рабовладельческого общества. Главное значение книги Н. А. Машкина «Принципат Августа» заключалось именно в том, что она дала подробное научное обоснование этого положения.

Понятно, что для буржуазных исследователей такое решение проблемы неприемлемо. В этом отношении характерны немногочисленные отклики буржуазной печати на книгу Н. А. Машкина.

Раньше других появилась рецензия Виршубского в «Journal of Roman Studies»². Логика Виршубского прямолинейна: если в эпоху Августа не отмечено открытых восстаний рабов (участие рабов во флоте Секста Помпея преувеличено пропагандой Августа) и если законодательство Августа не было направлено на непосредственное укрепление рабовладения (ограничение вольноотпущенничества рецензент объясняет только заботой о чистоте гражданства), то нельзя и говорить о рабовладельческой основе господства Августа. Написана рецензия сжато и корректно.

Этого нельзя сказать о заметке М. Гельцера в «Gnomon»³. Гельцер даже не снисходит до возражения по существу. Сославшись на статью Э. Мейера 1898 г., которая, по его мнению, раз навсегда разрешила все вопросы, связанные с античным рабовладением (никакой борьбы рабов с рабовладельцами в древности не было; великие восстания II—I вв. до н. э. объясняются только свободолюбием варваров-рабов; а вслед за этим рабство постепенно и безболезненно отмирает), Гельцер большую часть своей статьи посвящает мелочным придиркам и брюзжанию на недостаточно почтительное отношение Н. А. Машкина к буржуазным историкам принципата. Отсюда скорые выводы: в Советском Союзе «наукам предписываются маршруты», они служат «фетишу, именуемому марксизмом», и т. д. Такие выводы не могли не прийти по вкусу некоторым кругам буржуазных ученых; объясняя свое недоброжелательство к советской науке, они то и дело ссылаются на статью Гельцера⁴, хотя решительная бессодержательность этой статьи бросается в глаза с первого взгляда.

Г. Фолькман в «Historische Zeitschrift»⁵ признает научную ценность работы Машкина, но против ее основного положения — о рабовладельческой сущности принципата Августа — он выдвигает удивительное по наивности возражение: «в источниках об этом ничего не говорится».

Иной характер имеет рецензия П. Пуччи⁶, помещенная в прогрессивном итальянском журнале «Società». Рецензент согласен со всеми основными положениями книги; а его критические замечания хотя и серьезны, но доброжелательны. Так, он считает, что Машкин придает чрезмерное значение открытым восстаниям рабов и борьбе против них (вернее говорить о кризисе самого способа производства, а восстания рабов — это лишь одно из его проявлений). Далее, он сомневается в том, что энгельсова характеристика бонапартизма применима к принципату Августа: Энгельс говорит о лавировании между классами, в римских же условиях речь может идти лишь о сословиях. Замечания, бесспорно, заслуживают внимания.

² Ch. W i r s z u b s k i, JRS, 42 (1952), стр. 116—118.

³ M. G e l z e r, «Gnomon» 27 (1955), стр. 525—532 (рецензия на немецкий перевод работы М а ш к и н а, Zwischen Republik und Kaiserreich, Lpz, 1954).

⁴ A. H e u s s, Der Untergang der römischen Republik und das Problem der Revolution, «Historische Zeitschrift», 182 (1956), стр. 1—28; B. S p u l e r, обзор содержания ВДИ в «Historia», 6 (1956), стр. 373.

⁵ H. V o l k m a n n, «Historische Zeitschrift», 183 (1957), стр. 344—347 (рецензия на тот же немецкий перевод).

⁶ P. P u c c i, «Società», 1956, № 5, стр. 944—954 (рецензия на итальянский перевод работы М а ш к и н а, Il principato di Augusto, I—II, Roma, 1954).

Однако большинство буржуазных ученых по-прежнему сознательно отвергают социально-экономическое толкование сущности принципата, и, убедившись в недостаточности юридического толкования, они, естественно, приходят к поискам корней принципата в области идеологической. Это не ново. Еще Гаже указал на первостепенную важность идейного осмысления принципата в свете эллинистического культа царей и стоической концепции мирового порядка⁷. Однако Гаже все же оговаривал, что принципат явился результатом не только идеологического, но и социально-политического развития⁸. В теперешних работах о принципате иной раз нет даже таких оговорок.

Наиболее развернутую трактовку эта «идеологическая теория принципата» (термин условный!) получила в книге Жана Беранже «Идеологический аспект принципата»⁹. В книге три главы: «Факты» (расчет сроков правления императоров), «Терминология» (обзор понятий: *imperator*, *dux*, *princeps*, *imperium*, *auctoritas* и т. д.) и «Идеология» (основные элементы идеи принципата в античности). В работе заметна фрагментарность и неполнота (впрочем, отдельные экскурсы по частным вопросам представляют большой интерес — например, отступление о консульском трибунате, стр. 111—114, или критика теории «*imperium maius*», стр. 74—96). Тем не менее, основные положения нового направления высказаны здесь очень четко.

Основа могущества принцепса — не юридическая, а скорее религиозная. Ее истоки — в первобытных представлениях о магической силе, которая может сосредоточиться в человеке и доставить ему власть над людьми и над природой. Наивное преклонение перед сильной личностью философски обосновывалось стойками: для них правитель был воплощением божественного разума, разлитого во вселенной. Как вселенная управляется единым божественным духом, а человек — единым разумом, так и государство, естественно, управляется одним человеком. Конечно, высшая сила сосредоточивается только в одном лице: разделение верховной власти нелепо. Но после кончины носителя она может перейти на его детей или родственников. Если принцепсу наследует не кровный родственник, а приемный сын или узурпатор, он делает вид, что отказывается от власти, и принимает ее лишь тогда, когда общественное мнение (*consensus universorum*, например, просьба сенаторов) или божественное знамение (например, победа над соперником) подтвердит его мистическую силу. С момента этого первого проявления высшей власти часто ведется отсчет годов, месяцев и дней правления; поэтому день смерти предшественника сплошь и рядом не совпадает с *dies imperii* приемника.

Проявлением мистической силы является *auctoritas principis*. Это не правовая, а моральная категория; она адресована не к специалистам-юристам, а к широкому общественному мнению. Однако именно в силу этой моральной *auctoritas* на принцепса ложится забота об общественном благе (*cura*). Это не право, это обязанность — *opus, moles, labor*. Чтобы выполнить ее, принцепс принимает на себя различные магистратуры и промагистратуры, заимствуемые из арсенала республики. Каждая из этих магистратур отражает один из аспектов моральной власти принцепса; но ни одна из них, ни вся их совокупность не передают сущности этой власти. Стремление как можно полнее проявить высшую власть ведет к нагромождению магистратур, нагромождение влечет за собой их переосмысление. Терминология принципата расплывчата: ее кажущаяся точность — продукт построений новейших ученых. Полномочия принцепса не отличаются от полномочий его коллег по магистратурам; лишь мистическая *auctoritas* делает его первым среди равных. Власть принцепса не входит в *cursus honorum*. Если магистрат олицетворяет человеческий закон, то принцепс олицетворяет закон божественный. «Принципат не был отпрыском республиканских магистратур.

⁷ J. G a g é, De César à Auguste, «Revue historique», 177 (1936), стр. 279—342; ср. Н. А. М а ш к и н. Из литературы о принципате, ВДИ, 1938, № 1, стр. 118—120; о н ж е, Принципат Августа, М., 1949, стр. 363—365.

⁸ G a g é ук. соч., стр. 335.

⁹ J. B é r a n g e r, Recherches sur l'aspect idéologique du principat, Basel, 1953.

Они продолжали функционировать. Это было моральное, идеальное единовластие частного лица, личные качества которого возвышали его над согражданами и сближали с богами, эманацией которых он был» (стр. 283). Это было господство грубой силы, освященное религией и оправданное философией. Оно одинаково характерно как для первых, так и для последних веков империи: обычное противопоставление принципата и домината безосновательно.

Такова основная мысль работы Беранже. Уже здесь отчетливо виден принципиальный порок «идеологической» теории принципата. Она бессильна ответить на два главных вопроса: если в основе принципата лежит представление о сверхъестественной власти отдельной личности, то, во-первых, как создалось само это представление (нельзя же серьезно говорить о первобытной магии в последнем веке республики!) и, во-вторых, почему оно оформилось в политическую систему именно на рубеже нашей эры, ни раньше, ни позже? Первый вопрос Беранже обходит полным молчанием, а по отношению ко второму отделяется несколькими незначащими словами (стр. 75).

В том же «идеологическом аспекте» рассматривается генезис принципата в последних работах Андраша Альфельди. Эти работы опираются на обширный нумизматический материал, и в этом отношении представляют большой интерес. Так, Альфельди удалось найти монету Цезаря с изображением диадемы, предложенной ему Антонием. В своем сочинении о монархии Цезаря¹⁰ Альфельди пытается по-новому осветить события 45—43 гг. до н. э. На первый план у него выступает роль народа. Но этот народ представляет собой не социальную, а лишь идеологическую силу. Альфельди отмечает значение клодиевых коллегий, но считает их организациями не политическими, а чисто религиозными. Ссылаясь на Николая Дамасского, Альфельди утверждает, что народ стоял всецело на стороне Цезаря. Причина этой идиллической преданности вождю — религиозно-мистическая: народ верил, что единый правитель положит долгожданный конец соперничеству многих и спасет римское государство из «пожара войн и революций». Этот своеобразный политический мессианизм и был «духовной основой принципата»¹¹. Глубже этого Альфельди не идет.

Различные проявления этой «идеи спасителя» исследуются в другой статье Альфельди¹², *Servator civium* было почетным наименованием таких исторических деятелей, как Луций Брут, Камилл, Фабий Максим, Марий. В эпоху гражданских войн каждый политический вождь стремился выставить себя единственным «спасителем». По старому римскому обычаю, спасение гражданина на поле боя считалось подвигом: спасший награждался дубовым венком, и спасенный чтил его, как отца (*Cic., pro Planc., 30, 72*). «Спасению гражданина» теперь уподоблялось «спасение граждан»: спаситель получает дубовый венок (который изображается на его монетах) и пользуется почитанием как *parens patriae*. *Auctoritas principis* есть модификация *auctoritas patris*. Отсюда забота Цезаря и Августа об отеческой добродетели — *clementia*; отсюда трактовка преступления Брута и Кассия как отцеубийства. (Такое широкое толкование понятия *pater patriae* характерно для идеологического направления; обычно это выражение считалось пустым титулом; Премерштейн первый обратил на него внимание, но заметил в нем лишь юридическую сторону.) Таков первый аспект понятия *servator*. Другой аспект — «восстановитель, создатель государства». Это представление вызывало воспоминания о Ромуле (Альфельди приводит богатый иллюстра-

¹⁰ A. Alföldi, Studien über Caesars Monarchie, «Kungl. humanistiska vetenskapssamfundet», Lund, «Årsberättelse», 1952 — 1953, стр. 1—86; подробное изложение — в обзоре P. Lambrechts, César dans l'historiographie contemporaine, «L'antiquité classique», 23 (1954), стр. 126—143.

¹¹ A. Alföldi, Le basi spirituali del principato romano, «Corvina», s. III, a. 1, v. I (1952), стр. 24—37 (нам недоступна).

¹² A. Alföldi, Die Geburt der Kaiserlichen Bildsymbolik, «Museum Helveticum», 7 (1950), стр. 1—13; 8 (1951), стр. 190—215; 9 (1952), стр. 204—243; 10 (1953), стр. 103—124; 11 (1954), стр. 133—168.

тивный материал) и порождало монархические настроения. Третий аспект понятия *servator* — религиозный: представление об отце позволяло переносить на императора почитание предков, понятие *servator civium* легко расширялось в *servator mundi*, понятие *pater* — в *πατήρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε*. Здесь, бесспорно, сыграли роль эллинистические влияния; тем не менее, основа концепции императорской власти — римская, и образец монархии Цезаря — Августа — не Александр, а Ромул.

Из сказанного видно, что последователи «идеологической» теории обращают основное внимание не на юридические формы власти, а на их осмысление общественным мнением. Отсюда интерес Альфельди к нумизматике. Отсюда же интерес Виккерта к словоупотреблению. Лотару Виккерт принадлежит статья «Princers» в энциклопедии Паули (том появился в 1954 г.)¹³. Он дает исчерпывающий перечень частных лиц республики и империи, по отношению к которым употреблялось слово «принцепс», рассматривает все оттенки его значения, синонимы, атрибуты, прослеживает перенесение этого понятия на императора и его дальнейшую эволюцию. Богатейший материал, собранный и систематизированный Виккертом, делает его статью необходимой для каждого исследователя. Однако все, что находится за пределами терминологии, для Виккерта не существует. Правда, в его работе есть глава «Социология монархического принципата»; но в ней говорится только о «династической идее» и о принципе наследования императорской власти. При этом Виккерт также стирает грань между принципатом и доминатом. Понятно, что при таком подходе не приходится ждать правильного понимания перехода от республики к империи.

Съ буржуазные исследователи продолжают бесплодно путаться в привычном, но не-
керм понятии «революция». Ч. Старр в статье под злободневным заглавием «Как Август остановил революцию»¹⁴ не может пайти лучшего определения для революции, чем «большой социальный вихрь, возникающий внезапно и насыщенный идеологическими движениями». Тем не менее, Альфред Хейс пытается возвести на этой зыбкой почве серьезные теоретические построения¹⁵. Он берет марксистское определение революции и применяет его к гражданским войнам в Риме; сходства не обнаруживается. Казалось бы, естественный вывод: следовательно, римские гражданские войны — это не революция. Хейс предпочитает другой вывод: следовательно, марксистская теория революции неверна. Сомнительная логика! Вдобавок, автор безнадежно путает классы с сословиями, классовую борьбу с сословной борьбой и марксизм с позитивизмом.

Проблема «идеологической подготовки» принципата в последние годы республики еще не так давно прочно связывалась с именем Цицерона. Теперь уже мало кто допускает непосредственное влияние теорий Цицерона на практику Августа. Однако некоторые исследования о Цицероне могут быть полезны и для изучения принципата. Такова книга Э. Лепоре «Цицероновский принцепс и политические идеалы поздней республики»¹⁶. Как известно, Хайнце считал политическую программу Цицерона неизменной, а все отклонения от нее объяснял тактическими маневрами. Лепоре, напротив, различает в деятельности Цицерона два периода и две программы: *concordia ordinum* до изгнания и *consensus omnium bonorum* после изгнания. В программе *consensus omnium bonorum* сословный признак заменяется моральным, вместо *nobilitas* выступает *bonitas*, вместо «эмпирической политики» — «этическая политика»; в связи с этим происходит переосмысление таких терминов, как *vir bonus*, *optimates*, *populares*, *mos maiorum* и т. д. Моральные требования к *civis bonus* разработаны в перипатетической традиции золотой середины. Среди *omnes boni* различаются два слоя —

¹³ L. W i c k e r t, s. v. Princeps (civitatis), RE, Hbb. 44, Stuttgart, 1954, стб. 1998—2296.

¹⁴ Ch. G. S t a r r, How did Augustus stop the Roman revolution?, «Classical Journal», 52 (1956), стр. 107—112; цит. на стр. 109.

¹⁵ H e u s s, ук. соч.

¹⁶ E. L e p o r e, Il princeps ciceroniano e gli ideali politici della tarda repubblica, Napoli, 1954.

exercitus и *duces*. Первые создают общественное мнение, вторые практически осуществляют политику. Для этого *duces* должны обладать соответственной подготовкой; воспитание *duces* и его цель — предмет «триптиха» *De oratore*, *De re publica*, *De legibus*. К этой-то политической элите и применяется термин «принцепс». Традиционное значение этого понятия — главенство, превосходство; у Цицерона появляется новое значение — первенство, инициатива (притом инициатива частного лица, а не вынуждаемая должностным положением). Характернейший синоним принцепса — *auctor*. Его политическая роль определяется его *auctoritate*. Понятие это не включает в себе ничего монархического (в отличие от понятия *potentia*: для *potentes* власть — цель, для *auctores* — средство благоденствия государства); принципат — это *principatus summorum civium*. Даже «монархический экскурс» в *De re publica* восхваляет монархию лишь как пример твердой власти. Поэтому никакой преемственности между идеалом Цицерона и идеалом Августа нет; автор даже не останавливается на этой проблеме. Однако, справедливо замечает Л. Виккерт в рецензии на книгу Лепоре¹⁷, если Август взял себе титулом слово *princeps*, то при этом он исходил, бесспорно, не из старого, республиканского, а из нового, цicerоновского значения слова. Неопределенность этого значения была ему удобна: неизбежное смешение значений заставляло предполагать, что *princeps consensus universorum* и есть *princeps universorum*. Таков был незаметный переход от республиканской терминологии к монархической.

Теория Лепоре, конечно, гипотетична, противоположность двух цicerоновых программ местами преувеличена, социальный анализ понятия *omnes boni* оставляет желать лучшего; но из работ последнего времени на сходные темы это, бесспорно, самая важная. Книга Пер Крапуна «*Rector rei publicae*»¹⁸ дает мало нового по сравнению с ней. Статья Уилера¹⁹ повторяет старые доводы Хайнце и Хау. Шире задумана работа Болаффи «Учение о хорошем правителе»²⁰, но ей вредит чрезмерная конспективность изложения. Автор опирается на работы Беранже и Альфельди; он признает сознательное использование Августом идей Цицерона. В работе подробно разобраны два момента: идея *humanitas* как один из атрибутов принцепса и стоическое представление о связи законности политической с законностями моральной и божественной.

Всеобщий интерес к идеологической стороне принципата привел к тому, что вопрос о конституционном оформлении власти Августа остался почти без внимания. Что представлял собой *imperium* Августа, в каком соотношении находились *imperium* и *auctoritas* — после дискуссий сороковых годов эти вопросы более не поднимались. Итоги дискуссий были подведены в обзорной статье Чилвера «Август и римская конституция»²¹ и в заключительной главе уже упоминавшейся статьи Виккерта. Характерно, что глава эта под скромным названием «К юридическому положению принцепса» занимает из 200 столбцов статьи всего 25 столбцов.

По работе Н. А. Машкина²² советский читатель знаком с обеими теориями *auctoritas*: с теорией Гранта²³ о резком переломе от *imperium* к *auctoritas* и о *tribunicia potestas* как источнике *auctoritas*, а также и с теорией Магделена о плавном эволю-

¹⁷ L. W i c k e r t, «Gnomon», 28 (1956), стр. 284—289.

¹⁸ Per K r a p u n, *Rector rei publicae: Bidrag til fortolkningen af Ciceros De re publica. With a summary in English.* København, 1956.

¹⁹ M. W h e e l e r, Cicero's political ideal, «Greece and Rome», 21 (1952), стр. 49—56.

²⁰ E. B o l a f f i, La «doctrina del buon governo» presso i Romani e le origini del principato in Roma fino ad Augusto compreso, «Latomus», 14 (1955), стр. 100—115, 271—284, 426—445.

²¹ G. E. F. C h i l v e r, Augustus and the Roman constitution, «Historia», 1 (1950), стр. 408—435.

²² М а ш к и н, Принципат Августа, стр. 368—372.

²³ Ср. несколько возражений против теории Гранта в статье I. A. C r o o k, Some remarks on the Augustan constitution, «Classical Review», 3 (1953), стр. 10—12.

ционном развитии *auctoritas* от морального понятия к правовому. По вопросу об *imperium* Августа (в 27—23 гг.) тоже существуют две теории. Первая из них восходит к Моммзену; ее последователи считают, что империй 27 г. был проконсульским и распространялся сперва на императорские провинции, а потом — как на императорские, так и на сенатские. Эту теорию поддерживают Кольбе, Сайм и сам Виккерт²⁴. Вторая теория восходит к Кромайеру; ее последователи считают, что империй 27 г. не был проконсульским, но что Август, будучи консулом, обладал не только *imperium domi*, но и *imperium maius*, т. е. империем во всей полноте старореспубликанского понимания, включая военное командование и верховную власть над провинциями. Эту теорию поддерживают Ласт, Эренберг, А. Джонс; при этом Ласт²⁵ различает *imperium maius A* (пассивный, вступающий в силу лишь при столкновении с властью «штатного» промагистрата) и *imperium maius B* (активный, постоянно действующий как высшая инстанция по сравнению с властью промагистрата) — Эренберг²⁶ называет их «консульским» и «диктаторским»; империй Августа, по-видимому, принадлежал к категории А²⁷. Логический вывод из этой теории сделал Зибер, заявив, что империй Августа был не консульским и не проконсульским, но «*imperium schlechthin*»²⁸. Компромиссную позицию между этими двумя теориями занимает Гельцер, считающий, что Август до сложения консульской власти правил провинциями как консул, а после сложения власти — как проконсул (см. изложение его взгляда в статье Виккерта). Таково состояние вопроса о полномочиях Августа в 27—23 гг. По вопросу о полномочиях Августа после 19 г. до н. э. тоже существуют разногласия: Джонс (на основе Cass. Dio, 54, 10,5) считает, что в 19 г. Август вновь принял *imperium consulare*, Виккерт же отрицает это.

Социальная сущность принципата остается за пределами «юридического аспекта» так же, как оставалась за пределами «идеологического аспекта». В этом отношении любопытна статья Солмона «Эволюция принципата Августа» («Historia», 5 (1956), стр. 456—478). Солмон очень просто объясняет сущность реформ 27—19 гг. до н. э. В 27—23 гг. Август правил в Италии как консул и в пограничных провинциях как проконсул. В 23 г. он решил на время покинуть Италию и объехать провинции, в том числе и сенатские: для удобства он отказывается от консульства, но зато распространяет проконсульский империй и на сенатские провинции. В 19 г. он возвращается в Италию: для удобства он вновь принимает консульские полномочия. И так далее, кончая 2 г. до н. э., когда Август окончательно оформил свою власть титулом отца отечества. Сенат каждый раз беспрекословно идет навстречу его желаниям. Создается идиллическая картина, в которой нет места даже сословной борьбе, не говоря уже о классовой.

Упадок интереса к юридической стороне власти Августа объясняется в значительной степени тем, что со времени открытия киренских эдиктов в распоряжение исследователей не поступило никаких новых материалов; поневоле приходится вновь и вновь пересматривать одни и те же фразы Диона и *Res gestae*. Особенно ярко это видно из сравнения с большими успехами науки в смежной области — в области изучения государственных учреждений эпохи Августа. Здесь открытие так называемой *Tabula Hebana* дало мощный толчок новому развитию исследований.

В 1947 г. около Мальяно (в тосканской маремме), на месте древней колонии Неба была найдена большая бронзовая таблица с 62 строками латинского текста. Позднейшие розыски дали еще два незначительных фрагмента этой надписи. Эта *Tabula Hebana* была впервые опубликована Уго Коли в «*Notizie degli scavi*», 72 (1947), стр. 49—68. Последняя, наиболее полная публикация принадлежит Оливеру и Пальмеру и на-

²⁴ L. Wickert, Das *imperium proconsulare* des Augustus, «*Rheinisches Museum*», 96 (1953), стр. 192.

²⁵ H. Last, *Imperium maius*, JRS, 37 (1947), стр. 157 слл.

²⁶ V. Ehrenberg, ук. соч., стр. 113—136.

²⁷ A. H. M. Jones, The *imperium* of Augustus, JRS, 41 (1951), стр. 112—119.

²⁸ Ср. H. Siber, *Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung*, 1952, стр. 266—283.

печатана в «American Journal of Philology», 75 (1954), стр. 225—249. Таблица содержит постановление о посмертных почестях Германику; это позволяет ее датировать концом 19 — началом 20 г. н. э. Начало и конец постановления не сохранились; но уцелевшая часть сообщает ценнейшие сведения о деятельности центуриатных комиций в последние годы правления Августа и в первые годы правления Тиберия.

Из постановления следует, что в 5 г. н. э., по инициативе консулов Валерия Мессалы Волеза и Корнелия Цинны Магна, было реформировано устройство выборов в консулы и преторы. В дополнение к центуриям народного собрания было учреждено еще десять центурий; им присвоили имена внуков Августа, Гая и Луция Цезарей, скончавшихся незадолго до этого. После смерти Германика в память его было учреждено пять новых центурий: об этом и говорится в сохранившемся фрагменте *Tabula Hebana*. Уго Коли остроумно предположил, что в 23 г. н. э., после смерти Друза Младшего, было учреждено еще пять центурий, так что общее число их достигло двадцати; отрывком постановления 23 г. является так называемая *Tabula Illicitana* («Ephem. Epigr.», 9(1903), 133, перепечатано в AJP, 75 (1954), стр. 249), текст которой почти совпадает с текстом *Tabula Hebana*. В новые центурии вошли представители высших сословий — сенаторы и всадники трех старших судебных декурий (*selecti iudices*), числом, по-видимому, около 3500 человек. На их обязанности лежала дестинация (*destinatio*) кандидатов в консулы и преторы.

Tabula Hebana подробно описывает этот до сих пор не известный нам процесс. Комиции собираются обычным порядком на Марсовом поле. Члены новых центурий входят в *consaertum* и рассаживаются там по трибам. Перед ними выставлен список кандидатур и стоят 15 урн по числу центурий. Жребий указывает трибу; голосуют сперва сенаторы, потом всадники этой трибы; жребий указывает другую трибу, она голосует тем же порядком; после этого первая урна запечатывается и первая центурия считается проголосовавшей. Так, по жребию определяется состав и порядок голосования всех 15 центурий: по 2—3 трибы в каждой. После этого оглашаются результаты дестинации; но здесь текст таблицы прерывается досадной лакуной.

Трудно недооценить значение этих новых данных. Ни один из историков не упоминает о законе Валерия — Корнелия. *Destinatio* до последнего времени не считалась техническим термином²⁹. Картина упадка комиций, известная до сих пор только в самых общих чертах, обретает теперь конкретность. До 5 г. н. э. процедура выборов имела две стадии: составление списка кандидатов и голосование в комициях. С 5 г. между ними вклинивается третья стадия: дестинация в специальной сенаторско-всаднической коллегии. Дестинация обеспечивала предварительный отбор кандидатур. Принцепсу было легче контролировать действия небольшой дестинационной коллегии, чем многолюдного народного собрания; чем более дробной была организация новой коллегии, тем легче был контроль³⁰. Реформа 5 г. была подготовлена, во-первых, республиканской практикой «прерогативных центурий» (фактически, реформа состояла в том, что роль «прерогативной центурии» перестала определяться жребием и закрепилась за постоянной коллегией), и, во-вторых, практикой десигнации магистратов в годы второго триумvirата и практикой коммендации в годы принципата. Подготовку реформы можно видеть в *lectiones* сената и всадничества в 4 г. н. э.³¹. В результате реформы принцепс продолжал контролировать деятельность комиций, но избавлялся от непосредственного вмешательства в нее.

²⁹ Зибер в 1939 г. впервые предположил, что дестинация со стороны сената есть акт, аналогичный десигнации со стороны принцепса; но он не смог найти для нее места в конституционной системе принципата.

³⁰ G. T i b i l e t t i, *Principe e magistrati repubblicani: Ricerca di storia augustea e tiberiana*, Roma, 1953, стр. 195.

³¹ W. S e s t o n, *La table de bronze de Magliano et la réforme électorale d'Auguste*, CRAI (1950), стр. 105—111. Автор считает, что инициатором реформы был Атей Капитон, суффект 5 г.; гипотеза правдоподобная, но недоказуемая.

Вокруг Tabula Hebana быстро создалась целая литература. Неполный перечень работ, появившихся только до 1954 г., занимает в АJP две страницы сплошного петита. Тем не менее многие вопросы до сих пор не могут считаться разрешенными. Оставляя в стороне частности, необходимо остановиться на четырех важнейших проблемах, возникающих в связи с новой надписью.

Первая проблема — юридическая. Постановление об увековечении памяти Германика в тексте надписи неизменно называется не *lex*, а *rogatio*. Чем это объясняется? Большинство ученых считает, что причина этого — верноподданническая поспешность гебанцев, которые выбили текст рогации, не дождавшись ее утверждения народным собранием. Однако А. дель Оро³², опираясь на толкование Феста (Р. 326, 16 из Элия Галла), предполагает, что мы имеем дело с новым значением слова *rogatio*: особая разновидность закона, касающегося не всех граждан, а только некоторых. Это мнение поддерживает М. А. Леви³³ и некоторые другие ученые. Э. Шенбауэр³⁴ усматривает в слове *rogatio* другое значение: дополнение к уже существующему закону; но такое толкование кажется слишком произвольным и признания не получило.

Вторая проблема — политическая. В каком отношении находилась новая дестинационная коллегия к старым центуриатным комициям, насколько обязательны были ее решения? По этому вопросу существуют две противоположные точки зрения. Первую точку зрения защищает Уго Коли³⁵; с ним согласны (в основном) Пиганьоль³⁶, Шенбауэр, Тибилетти и Джонс³⁷. Согласно этой точке зрения, полномочия новой коллегии не превышали полномочий старой прерогативной центурии: она выдвигала желательных ей кандидатов (обычно кандидатов было больше, чем мест), отдавала им свои десять (пятнадцать, двадцать) голосов и поддерживала их своим сословным авторитетом. Комиции делали выбор среди дестинированных кандидатов, могли отклонять одних и, может быть, даже выдвигать новых; таким образом, за комициями сохранялось известное политическое значение. Поборником противоположной точки зрения выступает Де Фишер³⁸, его поддерживают Леви, Гельцер³⁹ и Сестон⁴⁰. По их мнению, дестинационной коллегии были переданы все полномочия центуриатных комиций по проведению выборов: она отбирала столько кандидатов, сколько было мест, и коми-

³² A. dell'Oro, *Rogatio e riforma dei comizi: centuriati*, PdP, 14 (1950), стр. 132—150.

³³ M. A. Levi, *La Tabula Hebana e il suo valore storico*, там же, стр. 158—170.

³⁴ E. Schönbauer, *Neue Bruchstücke der Heba-Inschrift*, «Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften», Philol.-hist. Kl., 89 (1952), стр. 383—399.

³⁵ U. Coli, *La «destinatio magistratuum» in nuova iscrizione dell'epoca di Tiberio*, «Bulletino dell'Istituto di diritto romano», 53—54 (1948), стр. 369—391; он же, *Nuove osservazioni e congetture sulla Tabula Hebana*, «Jura», 3 (1952), стр. 90—131 (обе статьи были нам недоступны).

³⁶ A. Piganiol, *La procédure électorale de la destinatio selon la table de Magliano*. CRAI (1951), стр. 204—214.

³⁷ A. H. M. Jones, *The elections under Augustus*, JRS, 45 (1955), стр. 9—21.

³⁸ F. De Visscher, *La destinatio*, PdP, 14 (1950), стр. 118—131; он же, *A propos d'une interprétation de la Tabula Hebana*, PdP, 18 (1951), стр. 208—212; он же, *La Tabula Hebana et les aspects politiques de la réforme électorale d'Auguste*, «Académie Royale de Belgique — Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques», ser. V, т. 37 (1951), стр. 169—182; он же, *La Table de Heba et la décadence des comices centuriates*, «Revue historique des droits Français et étranger», ser. IV, т. 29 (1951), стр. 1—38.

³⁹ M. Gelzer, *Zur neuen Germanicus Inschrift*, «Festschrift für R. Egger», I, 1952, стр. 84—90.

⁴⁰ W. Seston, *La procédure de la pronuntiatio dans la destinatio des consuls et des prêteurs d'après la Tabula Hebana*, резюме в «Revue des études latines», 33 (1955), стр. 39—41.

циям оставалось только утвердить этот список; таким образом, комиции теряли всякое политическое значение и превращались в пустую формальность. Причина такого разноречия между исследователями — возможность двойкой реставрации лакуны в описании подсчета голосов: если подсчет продолжается лишь до выяснения большинства голосов внутри дестинационной коллегии, то прав Де Фишер, если подсчет продолжается и далее, то прав Коли и Тибилетти. Грамматический контекст благоприятствует точке зрения Коли, а смысловой — точке зрения Де Фишера; в самом деле, казалось бы странным, если бы в голосовании на равных правах принимали участие старые центурии, созданные на основе ценза и имеющие постоянный состав, и новые центурии, созданные на основе судебных функций и меняющие состав в зависимости от жребия ⁴¹. Впрочем, последний довод может быть отклонен, ибо мы слишком мало знаем об организации центуриатных комиций этого времени: Де Фишер высказывает смелое предположение, что и в комициях центурии образовывались каждый раз заново по жребию и что это нововведение (как думал еще Момильяно) и составляло центуриатную реформу III в. до н. э., о которой мы знаем так мало ⁴²; Гельцер и Тибилетти поддерживают такое мнение, но А. дель Оро считает его малоубедительным ⁴³.

Третья проблема — социальная. В интересах какого сословия провел Август реформу 5 г.? По-видимому, в новых центуриях всадников было гораздо больше, чем сенаторов; основываясь на этом, Де Фишер ⁴⁴ и Джонс считают, что новая реформа продолжает курс Августа на сближение с всадничеством. Действительно, после 5 г. в фастах появляется все больше имен *homines novi* (Сайм объяснял это приходом к власти Тиберия). Однако такое мнение не стало общепринятым. Тибилетти (стр. 243) замечает, что *homines novi* допускались лишь в суффекты, а не в ординарные консулы, и что Тиберий, занятый пограничными войнами, вряд ли влиял в эти годы на внутреннюю политику. М. А. Леви указывает, что интересы высшего всадничества, допущенного к дестинации, во многом совпадали с интересами знати, и что реформу 5 г. правильнее считать победой знати: как Август является носителем *auctoritas principis*, так новая коллегия — носителем *auctoritas patrum*. Дальше всех идет Шенбауэр, предполагая (на основании Vell., II, 124,3), что по закону 5 г. новые центурии составлялись только из сенаторов и высших жрецов и лишь по закону 19—20 гг. к участию в них были допущены всадники; впрочем, сам Шенбауэр подчеркивает гипотетичность своего домысла. Во всяком случае, социальный смысл реформ 5 г. — проблема, наименее разработанная буржуазной наукой.

Наконец, четвертая проблема — историческая. Как согласовать новые данные о деятельности комиций с известным сообщением Тацита под 14 г. н. э.: «*Tum primum e campo comitia ad patres translata sunt*» (Ann., 1, 15) и с данными Диона Кассия (55, 34) о том, что в 7 г. н. э. по-прежнему применялась коммендация, а не дестинация? Коли, Гельцер, Де Фишер ⁴⁵ считают, что проведение в жизнь закона 5 г. было отсрочено различными осложнениями внешней и внутренней политики и что Тиберий в 14 г. лишь осуществил намерение Августа. Такое объяснение кажется натянутым. Тибилетти предполагает, что смысл реформы 14 г. заключался в том, что решение дестинационной коллегии стало из необязательного обязательным для народного собрания, что и свело политическую роль комиций к нулю. Это правдоподобно. (Тибилетти принадлежит и другое предположение: о том, что дестинация существовала еще с 27 г. до н. э., что в 5 г. до н. э. Гай Цезарь был дестинирован в консулы сенатом — RgdA,

⁴¹ S e s t o n, La table de bronze de Magliano...

⁴² D e V i s s c h e r, La table de Heba et la décadence...

⁴³ Вопрос о реформе III в. до н. э. выпадает из темы нашего обзора; укажем только статьи: E. S c h ö n b a u e r, Die römische Centurienverfassung in neuer Quellenschau, «Historia», 2 (1953), стр. 21—49; E. S t a v e l e y, The reform of the comitia centuriata, AJP, 64 (1953), стр. 1—33.

⁴⁴ D e V i s s c h e r, La Tabula Hebana et les aspects politiques de la réforme électorale d'Auguste; о н ж е, La table de Heba et la décadence des comices centuriates.

⁴⁵ D e V i s s c h e r, La destinatio...

14,1 — и что закон Валерия — Корнелия не ввел нового акта, а лишь преобразовал старый; но такое мнение не нашло поддержки среди ученых.) Шенбауэр думает, что по закону 5 г. новообразованная коллегия дестинировала только низших магистратов, а десигнацию консулов и преторов Август оставил за собой; Тиберий же, стремясь приобрести популярность при воцарении, передал и эту функцию дестинационной коллегии. Этот домысел Шенбауэра опять-таки слишком гипотетичен. Дальнейшая судьба дестинационной коллегии также представляется очень смутно. Дестинация консулов упоминается в панегирике Траяну и, что важнее, в надписи времени Тиберия (CIL, IX, 2342 = ILS, 944); но в обоих случаях дестинирующей стороной является только сенат. Очевидно, уже при Тиберии всадники исчезают из дестинационной коллегии, вместе с этим отпадает надобность в центуриатной организации коллегии, и дестинация проводится на обычных заседаниях сената. Но когда и как произошли и эти изменения, мы не знаем.

Таков комплекс основных проблем, связанных с новооткрытой *Tabula Hebana*. Здесь еще много темного и спорного. Но несомненно, что новые данные заставляют во многом пересмотреть обычные представления о роли народного собрания в эпоху Августа.

Другое государственное учреждение, деятельность которого подверглась переоценке, — это так называемый *consilium principis*, которому посвящена монография Дж. Крука⁴⁶. Как известно, термин, *consilium principis* введен историками нового времени. Обычно он применяется без разбора к двум различным учреждениям — во-первых, к сенатской комиссии, созданной Августом в 20-х гг. до н. э., и во-вторых, к кружку личных друзей принцепса, с которыми он совещается частным образом по различным вопросам. Крук подчеркивает разницу между этими двумя учреждениями. Сенатская комиссия при Августе вовсе не была пробулевтическим органом: члены ее выбирались по жребию на полгода, и она была для принцепса лишь средством следить за настроениями сенаторов и делить с ними ответственность за непопулярные законопроекты. Лишь за год до смерти Августа, ввиду его болезни и возможных осложнений при престолонаследии, комиссия была реорганизована и поставлена под контроль Тиберия, Германика и Друза. Только тогда она стала пробулевтическим органом; но в правление Тиберия она пришла в упадок и прекратила существование. Реальной политической силой были не сенатская комиссия, а личные друзья принцепса (*amici* и *comites*: автор дает беглый анализ этих понятий). *Consilium amicorum* развился одновременно из традиций римской клиентелы и эллинистических φίλοι; *amici* занимали видные посты в государстве, переходили от принцепса к принцепсу; именно через них осуществлялась преемственность политики; там же, где новый принцепс обзаводится новыми *amici*, наблюдается поворот в политике (!). Сорок с лишним страниц книги Крука заняты сухим перечнем действительных и вероятных «друзей» принцепсов, от Августа до Диоклетиана. В нем 360 лиц; Сайм в статье «Несколько друзей цезарей»⁴⁷ добавляет к нему еще 20 имен. Работа Крука всецело примыкает к просопографическому направлению в историографии и страдает всеми его недостатками; ни о каком социальном анализе, конечно, нет и речи. Книга представляет ценность как собрание фактического материала. Такое же значение имеют и многочисленные просопографические исследования по частным вопросам: Сайма о Марке Лепиде, консуле 6 г. н. э.⁴⁸, Гордона о Потите Мессале, суффекте 29 г. до н. э.⁴⁹ и др.⁵⁰.

⁴⁶ J. A. C r o o k, *Consilium principis: Imperial councils and councillors from Augustus to Diocletian*, Cambr., 1955.

⁴⁷ R. S y m e, *Some friends of the Caesars*, AJP, 77 (1956), стр. 264—273.

⁴⁸ R. S y m e, *Marcus Lepidus, capax imperii*, JRS, 45 (1955), стр. 22—33.

⁴⁹ A. E. G o r d o n, *Potitus Valerius Messalla, consul suffect 29 b. C.*, Berkeley — Los Angeles, 1954; ср. замечания R. S y m e, JRS, 45 (1955), стр. 155—160.

⁵⁰ Напр., A. E. G o r d o n и J. S. G o r d o n, *Roman names and the consuls of a. D. 13*, AJP, 72 (1951), стр. 283—292; о н и ж е, *More on the consuls of a. D. 13*, AJP, 74 (1953), стр. 420—421.

Неиспользованные данные о воцарении Октавиана в Египте обнаружил Т. Скит⁵¹, уточнивший по ним хронологию событий августа 30 г. до н. э. Климент Александрийский (Strom., XXI, 129, 1—2, Stählin) упоминает, что между правлением Клеопатры и воцарением Октавиана лежит 18-дневное царствование детей Клеопатры. Это — лиш- ний пример осторожности Августа по отношению к обычаям побежденного народа. М. А. Леви⁵² указывает, что эта осторожность была вынужденной: Октавиан мог низложить Клеопатру, лишь победив ее в бою или проведя пленницей в триумфе; Клеопатра же лишила его первой возможности, уклонившись от битвы при Акции, и второй — покончив самоубийством (смерть от укуса змеи приравнивалась к обычно- му апофеозу).

Анализ нумизматических данных позволил П. Ламбрехтсу⁵³ проследить эволю- цию религиозной политики Августа. Он выделяет в ней два периода: до и после 27 г. до н. э. До 27 г. — «греческий период», установка на прижизненное обожествление им- ператора через отождествление с Аполлоном: религиозные восторги «Буколик» и «Георгик», статуя Октавиана в облике Аполлона в палатинском храме, на монетах — изображение Аполлона с чертами Октавиана. Видимо, такой уклон оказался непо- популярным. После 27 г. до н. э. наступает «латинский период»; внутри его различимы три этапа. До 12 г. до н. э. — установка на будущее, посмертное обожествление Ав- густа: изображение Аполлона исчезает с монет. В 12 г. Август становится понтификом и устанавливает культ своего гения (вместе с Ларами); это новая установка — на при- жизненное обожествление через почитание гения; Аполлон вновь появляется на моне- тах, но уже отдельно от изображения Августа. Наконец, во 2 г. до н. э. Август получает титул *pater patriae*, и с этого момента в итальянских (но не римских!) надписях начинают упоминаться жрецы Августа; это — последняя установка на прямое прижизненное обожествление (ср. Тас, *Ann.*, 1,10).

На менее значительных работах по частным вопросам вряд ли стоит подробно оста- навливаться. Статья Гарцетти «Административные основы принципата»⁵⁴ не содержит ничего нового. В статье «Эрарий и фиск при Августе»⁵⁵ тот же автор утверждает, что при Августе имперской казной был только эрарий; фиск как единая казна оформляет- ся только при Клавдиях. Чилтон⁵⁶, анализируя известия о *lex Julia de maiestate*, приходит к выводу, что при Августе смертная казнь за преступления против *maiestas* еще не была легализована. П. Тревес⁵⁷ усматривает в осуждении Александра Маке- донского у Ливия (IX, 17—19) полемику против оппозиционной историографии, вы- двигавшей в центр мировой истории Македонию, а не Рим, и, в частности, — против Тимагена. Первая глава очерков Г. Эркелля⁵⁸ посвящена понятию *Augustus*; автор отрицает в нем наличие намека на *augurium* Ромула. Э. Вилль⁵⁹ датирует известную *Gemma Augustea* 12 г. н. э. и толкует фигуры нижней части геммы как изображения

⁵¹ T. C. Skeat, The last days of Cleopatra: a chronological problem, JRS, 43 (1953), стр. 98—100.

⁵² M. A. Levi, Cleopatra e l'aspide, PdP, 37 (1954), стр. 283—295.

⁵³ P. Lambrecht, La politique «apollinienne» d'Auguste et le culte impé- rial, «La nouvelle Clio», 5 (1953), стр. 65—82.

⁵⁴ A. Garzetti, Le basi amministrative del principato romano, «Aevum», 30 (1956), стр. 97—114.

⁵⁵ A. Garzetti, Aerarium e fiscus sotto Augusto, «Athenaeum», 31 (1953), стр. 288—327.

⁵⁶ C. W. Chilton, The Roman law of treason under the early principate, JRS, 45 (1955), стр. 73—81.

⁵⁷ P. Treves, Il mito di Alessandro e la Roma d'Augusto, Milano — Napoli, 1953 (нам недоступна; рец. A. H. McD onald, JRS, 45 (1955), стр. 176—178).

⁵⁸ H. Erckell, Augustus, felicitas, fortuna: lateinische Wortstudiën, Göteborg, 1952, стр. 9—38.

⁵⁹ E. Will, Sur quelques figures de la Gemma Augustea, «Latomus», 13 (1954), стр. 597—603.

богов. Предмет статьи Э. Габба ⁶⁰ — судьба италийских колоний, выведенных ветеранами Антония после Филипп и послуживших опорой перузинского мятежа. Э. Кестерман ⁶¹ доказывает, что более надежным источником данных о паннонской войне 6—9 гг. должен считаться Веллей, а не Дион. Хронологию событий между возвратом Тиберия из Паннонии и его отъездом в поход против Арминия устанавливает Э. Холь ⁶². Ему же принадлежит популярный очерк о личности Августа, опубликованный в журнале «Das Altertum» ⁶³; это — одна из последних работ недавно скончавшегося историка. Наконец, Р. Мартин ⁶⁴ исследует аналогию в выражениях Тацита при описании смерти Августа и Клавдия.

М. Л. Гаспаров

НОВЫЕ СТАТЬИ ПО ЕГИПТОЛОГИИ

(краткие аннотации)

ПУБЛИКАЦИИ

A. M o n t e t, *Les industries levalloisiennes d'Heliopolis et d'Abu Suwair*, BSPF, 54 (1957), 5—6, стр. 329—339. Публикация нескольких кремневых орудий из раскопок в Гелиополе (1939—1942 гг.), находящихся в музее Географического Отделения Каирского Университета.

F. D e b o n o, *La civilisation prédynastique d'el Omari*, BIE, 37 (1957), 1, стр. 329—339. Сообщение о раскопках в аль-Омари.

A. K l a s e n s, *Een grafsteen uit de eerste dynastie*, ORM, 37 (1956), стр. 12—34. Републикация стелы F 1927/1 Лейденского музея, найденной Амелино в 1896 г. (I династия) в абидосском некрополе. Прилагается таблица 144 имен, встречающихся в надписях I—II династии, из которых 85 в словаре Ранке не учтены.

W. N e e d l e r, *A flint knife of King Djer*, JEA, 42 (1956), стр. 41—44. Публикация памятника I династии из коллекции Музея в Торонто.

H. S t o c k, *Das Sonnenheiligtum des Königs Userkaf*, ÄZ, 80(1955), 2, стр. 140—144. Сообщение о первом периоде раскопок швейцарско-немецкой экспедиции (1954—1955).

W. H e l c k, *Zur Entstehung des Westfriedhofs an der Cheops-Pyramide*, ÄZ, 81 (1956), 1, стр. 62. Единство плана западного кладбища у пирамиды Хуфу вызвало домыслы о «духе всенародного единства» и т. п. и возражения Райзнера, находившего, что этот некрополь состоит из трех групп гробниц царской семьи. То и другое опровергается анализом титулов и имен: автор доказывает, что кладбище не планировалось заранее, а возникло постепенно, составившись из гробниц членов царского дома и чиновников, руководивших строительством пирамиды.

H. K e e s, *Zu den Gaulisten im Sonnenheiligtum des Neuserre*, ÄZ, 81 (1956), 1, стр. 33—40. Публикация хранящихся в Каирском музее фрагментов рельефа из храма Ниусерра, изображающего шествие номов Верхнего и Нижнего Египта. (Другие части рельефа из Берлинской коллекции опубликованы Биссингом в Ann. Serv.,

⁶⁰ E. G a b b a, *Sulle colonie triumvirale di Antonio in Italia*, PdP, 29 (1953), стр. 101—110.

⁶¹ E. K ö s t e r m a n n, *Der Pannonisch-Dalmatinische Krieg 6—9 n. Chr.*, «Hermes», 81 (1953), стр. 345—378.

⁶² E. H o h l, *Die Siegesfeiern des Tiberius und das Datum der Schlacht im Teutoburger Wald*, «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften, Klasse für Gesellschaftwiss.», 1952, № 1.

⁶³ E. H o h l, *Augustus*, «Altertum», 2 (1956), стр. 224—241.

⁶⁴ R. H. M a r t i n, *Tacitus and the death of Augustus*, «Classical Quarterly», 5 (1955), стр. 122—128.